

16. Toynbee, A. J., *Mankind and Mother Earth. Narrative History of the World*, Oxford: Oxford University Press, 1976.

17. Toynbee, A. J., *Nationality and the War*, Montana: Kessinger Publishing, 2009.

Л. В. Хут*

«БРИТАНСКИЙ СЛЕД» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИМАГОЛОГИИ

Имагология (от лат. *imago* – изображение, образ, отражение) – это научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. Становление исторической имагологии в отечественной историографии тесно связано с творчеством известного советского историка Н. А. Ерофеева (1907–1996). В статье рассматривается вклад Н. А. Ерофеева в историческую имагологию на основе анализа его известной монографии «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. (1825–1853 гг.)», опубликованной в 1982 г.

Ключевые слова: Британия, Россия, отечественная историография, имагология, Н. А. Ерофеев

Обращение к историческому опыту культурных, общественно-политических, экономических контактов народов Юга России и британцев, истории формирования их взаимных представлений предполагает, помимо всего прочего, предметный разговор об отечественной имагологической традиции, уходящей своими корнями в российское англоведение.

Как отмечают исследователи, термин «имагология» (от лат. *imago* – изображение, образ, отражение) появился в 20-е гг. прошлого столетия на страницах академических, в первую очередь социологических, изданий, но широкое распространение он получил с середины 1950-х гг., благодаря, прежде всего, филологам [1, с. 5]. Имагология – это научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. Образ «чужого» изучается в имагологии как стереотип национального сознания, то есть как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде. Имагология не только раскрывает образ «чужого», но также

* ХУТ Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия. Электронная почта: ludmila1302@mail.ru.

характеризует и сам воспринимающий субъект, то есть отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей [8, с. 31].

Историческая имагология ориентирована на конкретно-исторический анализ фоновых представлений, транснациональных образов, стереотипов мышления, мифов, действующих на нормативном уровне в той или иной национально-государственной среде, а также традиций общения, запечатленных в исторической и культурной памяти с использованием концептуальной пары «Я»-«Другой» [5, с. 23].

Становление исторической имагологии в отечественной историографии тесно связано с творчеством известного советского историка-англоведа Николая Александровича Ерофеева (1907–1996). Кембриджский профессор Э. Кросс, знаток истории российско-британских отношений, в своей книге о россиянах в Британии в XVIII в., русский перевод которой, по случайному совпадению, вышел в год ухода из жизни Н. А. Ерофеева, сделал такое посвящение: «Моим русским друзьям – тем, кто видел Англию, тем, кто, может быть, еще увидит ее, и тем, кто никогда не увидит» [6]. Н. А. Ерофеев принадлежал как раз к тому поколению наших ученых-англоведов, которые толком никогда Англию не видели. Но он чувствовал культуру этой страны, как немногие. Наверняка, современный британский историк Д. Ливен имел в виду и творчество Ерофеева тоже, когда, представляя русскоязычному читателю свою очередную книгу, отметил: «Историки в Советском Союзе находились под постоянным и суровым прессингом власти, поэтому вдвойне удивительно, как много хороших работ было там написано» [7, с. 18].

Книга «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 – 1853» [4], вышедшая в 1982 г., без преувеличения, является этапной в истории советской историографии и, как скажет здравствующий ныне ученик Н. А. Ерофеева и один из самых уважаемых российских историков – представителей старшего поколения Аполлон Борисович Давидсон, его «лебединой песней», в которую он «вложил опыт историка, накопленный за всю жизнь» [2, с. 135]. Обосновывая свой интерес к представлениям русских об Англии и англичанах, автор в предисловии пишет: «Правильность, объективность и точность таких представлений особенно важны на межгосударственном уровне, в отношениях между странами, поскольку от этого зависят эффективность государственной политики и сохранение мирных отношений. Убеждение в том, что тот или иной народ

и правительство благожелательно и дружественно расположено к другой стране, что они ценят ее дружбу, культуру, товары, значительно облегчает международные отношения, способствует обмену материальными и духовными ценностями, упрощает задачи внешней политики. Напротив, опасение, что данная страна питает к другой враждебные чувства, создает атмосферу недоверия и подозрений. В такой атмосфере ничтожный повод становится источником недоразумений, а самый мелкий инцидент, который при взаимном доверии можно легко и просто уладить, способен вызвать ожесточенные споры» [4, с. 3–4].

В первой главе, которая носит теоретический характер, Н. А. Ерофеев делает важное методологическое замечание о том, что «...этнические представления отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение» [4, с. 21]. Николай Александрович проделал огромную работу, досконально изучив избранную тему.

Вторая глава содержит фундированный анализ источниковой базы исследования. В поле зрения автора как профессионального историка попали 34 русских журнала, при работе с которыми он использовал метод контент-анализа. Кроме того, Н. А. Ерофеевым широко были привлечены источники личного происхождения – мемуары, дневники, записки, так называемая литература путешествий. Кроме того, источником информации об Англии была английская художественная литература. Наконец, англичане, волею обстоятельств оказавшиеся в России, являлись своего рода носителями кодов национальной культуры, дешифровкой которых занимались интересующиеся Англией россияне.

Воссозданию русского образа тогдашней Англии – представлениям о ее экономической и политической системе, социальных проблемах и духовной жизни посвящена третья глава монографии. Практицизм англичан, возведенный в абсолют, прежде всего, славянофилами, характеристика Англии как страны, где преобладает материализм – «вещественная цивилизация», породил в русской среде ложную идею о «бездуховности» англичан как народа, что также противоречило реальности перед лицом великих образцов английской литературы, как и идея «дряхлеющего Альбиона», появившаяся в период, когда Англия шла к пику своего могущества, став «мастерской мира», равной которой по производству станков и высокоточного обо-

рудования не было, страной, переживавшей «золотой век» парламентаризма, с развитой двухпартийной системой, мощным флотом, огромными колониальными владениями и т.д.

Четвертая глава «Джон Буль» (англ. John Bull – буквально Джон Бык, собирательный образ типичного англичанина) повествует об этническом образе англичан, особенностях их национального характера, бытовой культуре в русском восприятии. Русские наблюдатели, по словам Н.А. Ерофеева, говоря о чертах английского характера, особо выделяли своего рода чудачковатость англичан, их способность на необъяснимые с точки зрения здравого смысла поступки. «Впрочем, чудачества англичан воспринимались не только как индивидуальные свойства, – русские наблюдатели обнаруживали подобные странности и во многих коллективных действиях – в явлениях английского быта, общественной и политической жизни. Склонность к странным поступкам расценивалась как черта всего народа в целом... Странности видели и в подчеркнутой верности традициям...» [4, с. 206–207]. При этом в России не осуждали склонность англичан к чудачествам, а журнал «Современник» даже позволил себе следующее заявление, которое приводит Н. А. Ерофеев: «Тот народ хорош, в котором водятся чудачки (конечно, чудачки, не вредные обществу), то есть индивидуумы с излишней дозой самостоятельности» [Цит. по: 4, с. 214].

Этнический образ англичанина в русском восприятии – этот сложный сплав реальности и фантазии, по реконструкции Н.А. Ерофеева, выглядит следующим образом: «Итак, типичный англичанин – «Джон Буль» – это гордый, самоуверенный и важный человек, холодный и спокойный, пожалуй, даже «чопорный». Энергичный и в высшей степени практичный, он преуспевает в делах – в промышленности и торговле: благодаря его предприимчивости, энергии и деловитости, трудолюбию и основательности в этой стране быстро развивается промышленность и торговля, кипит деловая жизнь. В то же время, поглощенный практическими делами, погоней за деньгами и богатством, англичанин не придает значения искусству, а науку он превратил в отрасль мануфактуры. Строгая честность в делах и глубокая религиозность не мешают тому, что он корыстолюбив, эгоистичен, жаден к деньгам. Отчетливая «самобытность» его характера доходит до странностей и чудачеств» [4, с. 232]. В известном смысле цельность данного образа автор не в последнюю очередь связывает с особенностями менталитета русского народа [4, с. 235], кстати, одним из первых российских исследователей употребляя

термин «менталитет» для обозначения коллективных представлений. Попутно Н. А. Ерофеев делает важное наблюдение о том, что «...в этнических представлениях содержится значительный элемент априорности. Создав на основе каких-то частных наблюдений образ другого народа, мы затем уже «подгоняем» под него все остальные впечатления и наблюдения» [4, с. 237].

Наконец, в пятой главе «Коварный Альбион» речь идет о дипломатических и торговых связях России и Англии, об эволюции образа Англии и англичан в России в начале 1850-х гг. в связи с обострением англо-русских отношений. В этой части работы есть и страницы, посвященные противоречиям между двумя странами из-за русской блокады черноморского побережья Кавказа после заключения Адрианопольского мирного договора между Россией и Османской империей в 1829 г. [4, с. 254–255], деятельности английского публициста и дипломата Д. Уркарта, жесткого критика политики России на Кавказе, его участия в собрании коммерсантов Глазго в мае 1838 г., на котором прозвучал тезис «Черкесия – оплот индийских владений» [4, с. 273–278]. Окончательное оформление образа Англии в России как «коварного Альбиона», по утверждению автора, относится к самому преддверию Крымской войны [4, с. 300].

Разумеется, образ Англии и англичан, который рисовался наблюдателям из России во второй четверти XIX в., был неоднозначным, более того – противоречивым. Метафорический ряд, который выстраивается Н. А. Ерофеевым на основе анализа данных исторических источников, тому свидетельство: «метрополия злата», она же «гнездо смут», с одной стороны, и «дочь любимая свободы» – с другой. Объединяющей эти разноречивые оценки стала концепция «дряхлого Альбиона». «Англия совершила многое в прошлом, сделала все, что ей было предназначено историей, все, что могла, но силы ее исчерпаны, и теперь ее ждут медленное, но неизбежное угасание и гибель. На смену ей идут новые молодые народы, полные свежих сил. Единственное, что остается Англии, – уступить подмости истории другим. Ее роль сыграна» [4, с. 143], – так формулирует Н. А. Ерофеев «русский канон» вопреки Англии к концу рассматриваемого периода.

Исследователь подчеркивает, что интерес к этой стране и ее народу не ограничивался для россиян чисто практической стороной, так как «отношение к Англии, ее опыту и ее учреждениям оказывалось важным и при решении общего вопроса об отношении России к «Западу», то есть к той цивилизации, которую олицетворяла Западная Европа» [4, с. 77]. Работая над моно-

графией, Н. А. Ерофеев «стремился понять взгляды официальных лиц и оппозиционеров, представителей разных социальных слоев и общественных течений, путешественников. А также тех, кто никогда не видел Англию своими глазами, но все же имел свое твердое мнение и с жаром его отстаивал. Рассматривая эти разноречивые и противоречивые мнения, он вывел главную тенденцию: убедительно показал, как в течение этой четверти века в России усиливалось негативное отношение к Великобритании. Как понятие «туманный Альбион» постепенно вытеснялось «дряхлым Альбионом» и «коварным Альбионом» [4, с. 135].

Но «Туманный Альбион» – это книга не только о России и Англии, русских и англичанах. Автор через разработку конкретной проблемы выходит на уровень широких обобщений. «Ведь русский образ англичанина, – справедливо отмечает Н. А. Ерофеев, – это частный случай этнических представлений, и, следовательно, изучая процесс его возникновения, мы приближаемся к пониманию того, как вообще формируются этнические представления». По мнению автора, прорваться в пространство смыслов иной культурной традиции наблюдателю, прежде всего, мешает «этноцентризм, который порождая чувство превосходства своего над чужим, ограничивает способность наблюдать и видеть» [4, с. 306].

По словам Н. А. Ерофеева, «известное влияние на образ англичанина оказывала и самооценка русскими своего национального характера: в образе чужого народа находила отражение та шкала ценностей, которая господствовала в те годы в России. Приписывая англичанам такие грехи, как корысть и стяжательство, русские наблюдатели хотели этим подчеркнуть бескорыстие и щедрость русского характера... Предубеждения, непонимание, эмоции, самооценка и прочие факторы складывались, таким образом, в целую систему светофильтров, стоявших на пути наблюдения и понимания. В них и следует искать корни тех искажений, которые сопровождают процесс познания этнической реальности» [4, с. 308].

В чем видится актуальность и современное звучание книги, вышедшей более трех десятилетий назад? Мне представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в реалиях жизни современной России. Сегодня наша страна переживает пик антизападнических настроений. На наших глазах в массовом общественном сознании идет процесс конструирования «образа врага», под которым понимается внешний по отношению к России мир и, прежде всего, некий обобщенный «Запад», к которому принадлежит и Англия тоже.

Между тем, историкам, как никому, хорошо известно, что «... образы и представления о другой стране и другом народе интегрируются в национальную внешнеполитическую риторику и становятся частью общественно-политического дискурса, оказывая влияние как на межгосударственный диалог, так и на выстраивание видения мира и собственного места в нем» [5, с. 3]. Думаю, что современные российские историки-англоведы, наследники лучших традиций отечественного англоведения, объединенные в Ассоциацию британских исследований в России (Британский клуб), созданную в 1992 г., являют своей профессиональной деятельностью [3] достойный пример развенчания стереотипов массового общественного сознания аргументами от науки.

Использованная литература:

1. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.
2. Давидсон А. Б. В поисках Туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907–1996) // Новая и новейшая история. 1997. №5. С. 130–140.
3. Давидсон А. Б. На путях к взаимопониманию [Электронный ресурс]. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/na-putiakh-k-vzaimoponimaniyu>. (дата обращения: 20.05.2014).
4. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М.: Наука, 1982.
5. Журавлева В. И. Образ России в общественно-политическом дискурсе США: международные и внутривосточные аспекты (1880 – 1910 е гг.): автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 2013.
6. Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996.
7. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.
8. Папилова Е. Г. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.

«BRITISH FOOTPRINT» IN NATIONAL IMAGIOLOGY

KHUT Ludmila R. – Dr. Sci. (National History), Prof., Department of the Universal History, Adyghe State University, Maikop, Russia.
E-mail: ludmila1302@mail.ru

Imagology (from latin word «imago» – representation, image, reflection) is the branch of science which investigates the images of «the others», «foreign» nations, countries, cultures extraneous for perceptive individual. The formation of histori-

cal imagology in domestic historiography is closely connected with the creativity of well-known Soviet historian N. A. Erofeev (1907-1996). In this article we consider the contribution of N.A.Erofeev to historical imagology on the basis of study his well-known monograph «Foggy Albion. England and the English people through the eyes of Russians. (1825-1853)», which was published in 1982.

Keywords: Britain, Russia, the domestic historiography, imagology, N. A. Erofeev

References:

1. Boytsov, M. A., Chto takoe potestarnaya imagologiya? (What is the Potestarian Imagology?), in *Vlast' i obraz: Ocherki potestarnoy imagologii*, Boytsov, M. A., Uspenskiy, F. B., Eds., Saint-Petersburg: Aleteyya, 2010. pp. 5–37.

2. Davidson, A. B., V poiskakh Tumannogo Al'biona... Iz vospominaniy o Nikolae Aleksandroviche Erofeeve (1907 – 1996) (In Search of Albion... From the Memoirs about Nikolai Erofeev (1907 - 1996)), *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1997, no. 5, pp. 130–140.

3. Davidson, A. B., Na putyakh k vzaimoponimaniyu (On the Roads to the Mutual Understanding). <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/naputiakh-k-vzaimoponimaniyu>. Accessed May 20, 2014..

4. Erofeev, N. A., *Tumannyy Al'bion. Angliya i anglichane glazami russkikh. 1825–1853* (The Foggy Albion: England and Englishmen Through the Eyes of Russians. 1825–1853), Moscow: Nauka, 1982.

5. Zhuravleva, V. I., *Obraz Rossii v obshchestvenno-politicheskom diskurse Soedinennykh Shtatov Ameriki: mezhdunarodnye i vnutripoliticheskie aspekty (1880–1910-e gody)* (The Image of Russia in the Sociopolitical Discourse of USA: International and Domestic Aspects (1880 - 1910 s.)), Extended Abstract of Dr. Sci. (History) Dissertation, Moscow, 2013.

6. Cross, E., *U temzskikh beregov. Rossiyane v Britanii v XVIII veke* (By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain), Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1996.

7. Liven, D., *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dney* (The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present Day.). M.: Evropa, 2007.

8. Papilova, E. G., *Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina* (Imagology as a Humanities Discipline), *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 31–40.